

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ЕСТЬ ЛИ ДРЕВНЕПЕРМСКАЯ ТОПОНИМИКА В ЗАВОЛОЧЬЕ?

Еще в свое время А. Шёгрэн предполагал, что пермские народы некогда обитали на территории новгородского Заволочья (вплоть до Онеги). Позднее его точку зрения поддержали М. Фасмер и А. И. Попов. Ее разделяет и автор настоящей статьи.¹ Другого мнения придерживается Б. А. Серебrenников, считающий наиболее многочисленные пласты субстратной топонимики русского Севера, в частности, названия на *-ньга* и *-юга*, дофинно-угорскими и отрицающий наличие древнепермских элементов в Заволочье.²

В предлагаемой статье рассматривается гипотеза Б. А. Серебrenникова о происхождении топоформанта *-юга* и приводятся новые доказательства существования древнепермского субстрата на русском Севере. Последние работы Б. А. Серебrenникова, посвященные вопросам субстратной топонимики русского Севера, к сожалению, содержат, на наш взгляд, много методически неправильных положений и обнаруживают недостаточную осведомленность автора в соответствующем топонимическом материале. Как можно, например, говорить об изменении *енга* > *юга* вследствие перехода *e* > *o* > *y* и деназализации, не ознакомившись с фактическим материалом, который представляет в наше распоряжение изучение топооснов?

Утверждая, что *y* в топоформантах *-уга*, *-юга* возникло вследствие перехода *e* > *o* > *y*, Б. А. Серебrenников не заметил, во-первых, что все приведенные им соответствия (например, финское *terä* 'острие', коми-зырян. *dor* 'лезвие'³) относятся не ко второму, а к первому слогу, и во-вторых, что в названиях на *-уга*, *-юга* звук *e* в первом слоге встречается очень часто, уже своим существованием свидетельствуя против дофинно-угорской гипотезы автора (ср. *Венюга*, *Верюга*, *Лэфтюга*, *Меньдюга*, *Недзюга*, *Нельнюга*, *Немнюга*, *Нернюга*, *Нерюга*, *Пелюга*, *Ремлюга*, *Севдюга*, *Селюга*, *Семлюга*, *Сенюга*, *Серюга*, *Целюга*, *Шелюга*).

Допуская факт деназализации в названиях на *-уга*, *-юга*⁴, Б. А. Серебrenников не учел того, что консонантные группы с первым носо-

¹ А. К. Матвеев, Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 74—77.

² Там же, стр. 2.

³ Б. А. Серебrenников, О причинах возникновения некоторых специфических особенностей развития древнепермского вокализма и консонантизма. — Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию академика В. В. Виноградова, Москва 1965, стр. 238—241.

⁴ Там же, стр. 241.

вым компонентом в основах топонимов этого типа весьма обычны (ср. *Вонжуга, Ленъдуга, Мунъдуга, Пундуга, Сондуга, Тондуга, Чунъжуга*). Аналогичные группы согласных встречаются и в топонимике на *-юг* (*Контюг, Лантюг, Пантюг, Синьдюк*).⁵

Сказанного достаточно для опровержения гипотезы автора, не проверившего наличие в топоосновах изменений, постулируемых им для топоформантов.

И дальше, Б. А. Серебренников до сих пор выделяет форманты *-ша, -жа* в двусложных субстратных названиях на *-а*⁶, между тем изучение многочисленных коррелятивных пар топонимов, обозначающих смежные объекты (как правило, озеро и реку, вытекающую из этого озера), свидетельствует о том, что интервокальные согласные и группы согласных в двусложных названиях на *-а* относятся к топооснове и что топонимы на *-а* представляют собой чистую основу, утратившую детерминант, или топооснову на согласный, осложненную элементом *а*, возникшим на русской почве (ср. *Андозеро — Анда, Вяжозеро — Вяжма, Немшозеро — Немша, Токшозеро — Токша* и т. д.).

Можно привести даже этимологически ясный пример возникновения подобных названий. В Онежском районе Архангельской области есть деревня *Канзапельда*, около которой находится *Канозеро*. Коррелятивность этих названий, так же как их прибалтийско-финское происхождение не подлежит никакому сомнению (ср. вепс. *kanz* 'семья', карел. *peldo* 'поле'). Топооснова выступает в данном случае в двух вариантах *Канза* и *Канз*, из которых первый отражен также и в названии реки *Канза* (бассейн Онеги). Б. А. Серебренников же считает, что топоним *Канза* следует расчленить *Кан-за*, выделяя псевдосуффикс *-за*.

Все это убедительно свидетельствует в пользу того, что в названиях *Токша, Топша, Шикша, Шокша* и им подобных нельзя выделять «речной суффикс» *-ша*, как это делает Б. А. Серебренников.⁷ Поэтому о принадлежности этих названий какому-то субстратному языку, более древнему, чем топонимика на *-нга*, не может быть и речи,⁸ тем более, что двусложные названия с псевдосуффиксом *-ша* (*-кша*) часто встречаются в топоосновах полукалек на *озеро* (*Калшозеро, Камшозеро, Капшозеро, Немшозеро, Тикшозеро, Токшозеро, Чикшозеро, Шикшозеро*), а изучение ареалов двусложных названий на *-ша* и озерных гидронимов, содержащих основы на *-ш*, показывает, что они находятся в пределах ареала топонимики на *-нга*.

Следует вообще указать, что Б. А. Серебренников недостаточно считается с данными лингво-географического анализа топонимов. Объявляя топоформанты *-онга, -анга* диалектными вариантами *-енга*⁹, он не учитывает, что это возможно только в том случае, если бы они были ло-

⁵ По мнению В. И. Лыткина, процесс деназализации в коми языке прекратился к XI—XIII векам (Историческая грамматика коми языка, ч. I, Сыктывкар 1957, стр. 91—92). Очевидно, русские, воспринимая субстратную топонимику в начале этого периода (XI в.), успели еще усвоить носовые согласные в древнепермских топонимах. На любопытные мысли наводит общность процесса деназализации в славянских и пермских языках и его хронологическая последовательность. Не были ли эти явления связаны друг с другом?

⁶ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 241.

⁷ Там же, стр. 241.

⁸ Автор статьи давно уже отказался в двусложных названиях выделять топоформанты типа *-ма* или *-ша*; см. А. К. Матвеев, Историко-этимологические разыскания. — Ученые записки Уральского гос. университета, вып. 36, Свердловск 1960, стр. 118; его же, Субстратная топонимика русского Севера, стр. 67.

⁹ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 241.

кализованы в определенных зонах ареала *-ньга*. На деле же топонимы с формантами *-онга*, *-анга* рассеяны по всей территории этого ареала. Ср., например, названия на *-анга*, *-аньга*: *Анданга*, *Куданга* (бассейн р. Юг), *Вайманьга*, *Карзанга* (бассейн р. Вага), *Войманга*, *Иланга* (бассейн р. Сухона), *Мяланга*, *Толзанга* (бассейн р. Онега) и т. д. Все названия на *-анга*, *-аньга*, *-онга*, *-оньга* находятся в окружении более многочисленных топонимов на *-еньга*, *-енга* и уже поэтому не могут быть диалектными вариантами. Очевидно, колебания гласных в пределах этого форманта связаны или с отражением рефлексов сингармонизма или с комбинаторным воздействием консонантного окружения.

Наконец, надо считаться со свидетельствами реалий. Хотелось бы знать, какое реалистическое объяснение Б. А. Серебренников даст тому факту, что все без исключения реки с названием *Явроньга* (три реки) и *Яхреньга* (пять рек) протекают через озера (ср. саам. *jaur* 'озеро') и что ни в одной из озерных топооснов часто встречающийся элемент *явр*, *яхр* не засвидетельствован (никому не придет в голову называть озеро *озерным*)? В свете всего сказанного нам представляется, что Б. А. Серебренников стоит на неверных методических позициях, чем и объясняются его ошибки в области интерпретации субстратной топонимии русского Севера.

Вслед за М. Фасмером и А. И. Поповым мы считаем, что в субстратной топонимике русского Севера сохранились рефлексы древнепермской топонимии. В этой статье нет смысла перечислять уже высказанные ранее доводы в пользу пермского происхождения названий на *-юга*. Ограничимся только защитой некоторых положений, весьма произвольно толкуемых Б. А. Серебренниковым.

Утверждая, что «если *-juga* всюду изменилось в *-ju*, то сохранение в одном топонимическом названии *-юга* и наличие в другом названии окончания *-ю* вообще представляется невероятным»¹⁰, Б. А. Серебренников был неправ даже в том случае, если бы названия *Мошьюга* и *Мош-ю*, *Нювюга* и *Нюв-ю* являлись фактами одного языка, так как фонетическая эволюция топоформанта могла привести к различным результатам в пределах той или иной территории (это подтверждается корреляцией *юга* — *юг* и соответствиями типа *Кичуга* — *Кичуг*). Но ведь сопоставляемые факты относятся к разным языкам! Дело в том, что русские сохранили в памяти древние формы названий (*Мошьюга*, *Нювюга*), изменившиеся на почве коми языка в *Мош-ю*, *Нюв-ю*.

Утверждение Б. А. Серебренникова, что коми-зырянское *ju* следует связывать с мансийским *jā* 'река', само по себе не вызывает возражений. Действительно, можно сопоставлять коми-зыр. *ю* 'река' как с праформой **joki* так и **jā*. Но не понятно, почему автор, приводя многочисленные примеры исчезновения интервокальных согласных, не считает с возможностью существования промежуточной формы **jyr*. В. И. Лыткин прямо говорит об отпадении одиночных конечных согласных в конце односложной основы и не только допускает существование этих промежуточных форм, но и оперирует ими: **p̄ir* 'детеныш', **ked* 'рука'.¹¹

Невозможно согласиться и с мнением Б. А. Серебренникова о том, что нельзя сопоставлять консонантные группы в названиях на *-ньга* и *-юга* потому, что топонимов на *-юга* засвидетельствовано значительно меньше, чем названий на *-ньга*. Во-первых, топонимические типы никогда не бывают количественно равными (это объективный недостаток

¹⁰ Б. А. Серебренников, указ. раб., стр. 240.

¹¹ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 83.

всех статистических подсчетов в области топонимики), во-вторых, не понятно, почему нельзя считаться с результатами фонетического анализа довольно значительных групп топонимов (288 названий на *-ньга* и 162 названия на *-юга*). Результаты эти весьма показательны: группы *пи, ки, мж, лж, рж* в топонимике на *-ньга* встречаются 24 раза, а в названиях на *-юга* вообще отсутствуют. Группы *кс, гз, мз, лз, рс, рз* в названиях на *-ньга* зафиксированы 17 раз, а в названиях на *-юга* только три раза.

Есть и другие доказательства существования древнепермской топонимики на русском Севере:

1. Предполагаемая западная граница расселения древнепермян (устье Онеги — Белозеро) в основном совпадает с границей между ареалами топонимических типов *гласный + с* и *гласный + кса*. Имеется ряд соответствий в топоосновах названий на *гласный + с* и *гласный + кса* (*Илес — Илекса, Илос — Илокса, Котлас — Котлакса, Чарос — Чарокса*), свидетельствующих о том, что эти типы обладали рядом общих топооснов и, возможно, восходили к родственным языкам. С точки зрения финно-угорского языкознания топоформанты *гласный + с* и *гласный + кса* могут рассматриваться как варианты одного древнего топоформанта, содержащего консонантное сочетание **kš*. Это сочетание утратило первый взрывной элемент в восточной части исследуемой территории (ср. его судьбу в пермских языках *-мус* 'печень' при марийском *моки* и финском *taksa*¹²) и отразилось в виде *кс* между гласными в западной части ареала (ср. его судьбу в прибалтийско-финских языках). Не имеет значения, будем ли мы считать названия на *гласный + с* и *гласный + кса* дофинно-угорскими или финно-угорскими. В любом случае топонимический субстрат отражает древнюю изоглоссу, разделявшую пермские и прибалтийско-финские языки.

2. Тщательное изучение рефлексов сингармонизма, проведенное Т. В. Марадудиной, показало, что названия на *-уга, -юга* резко отличаются в этом отношении от большинства субстратных топонимических типов, в том числе и от названий на *-ньга*.¹³ Оказалось, что вокализм заднего ряда, изучение которого дает наиболее показательные результаты, в топонимике на *-ньга* представлен 100% сингармонических соответствий, тогда как в названиях на *-юга* их только 48,5%. Вокализм переднего ряда, подвергшийся интенсивной переработке и разрушению на русской почве, соответственно представлен 70% сингармонических соответствий для *-ньга* и только 40% для *-юга*. Эти разительные отличия объясняются просто: язык топонимики на *-ньга* был близок к прибалтийско-финской группе, обладающей сингармонизмом, а язык топонимики на *-юга* относился к пермским языкам, не знающим гармонии гласных.

3. Есть достаточно убедительные этимологические данные о том, что древнепермяне раньше обитали к западу от мест современного расселения коми-зырян. Об этом свидетельствует, например, название деревни *Керас*, расположенной на крутом берегу Пинеги (ср. коми-зыр. *керӧс* 'возвышенность, покрытая лесом') и старое название поселения в устье р. Тоймы, притока Северной Двины — *Тоймокары* (ср. коми-зыр. *кар* 'город').

¹² В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 12.

¹³ Т. В. Марадудина, Рефлексы сингармонизма в севернорусской субстратной топонимике. — Вопросы топониматики, № 2 (в печати).

4. Значительную часть территории современного расселения коми-зырян и коми-пермяков охватывает ареал гидронимов на *-им*, *-ым* (верховья Вычегды, Камы, Печоры), не интерпретируемых на почве коми языка: *Волим*, *Колчим*, *Локчим*, *Нюкчим*, *Нюзим* и др. Это является косвенным доказательством того, что места расселения коми в древности могли находиться западнее, юго-западнее и южнее их современного расселения.

5. Границы ананьинской культурной общности, давно уже отождествляемой с общепермянами, по данным В. Ф. Генинга¹⁴, совпадают с ареалом названий на *-юга* и *-юг*, простирающимся от Белого моря до Среднего Урала.

В заключение заметим, что мнение Б. А. Серебренникова о расселении древнепермян из Прикамья, основанное на изучении лексики коми-зырянских диалектов¹⁵, нисколько не противоречит нашим выводам. Родиной древнепермян, по-видимому, было Прикамье, откуда они затем проникли далеко на северо-запад вплоть до Онеги, положив начало скандинавским преданиям о Биармии.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

GIBT ES ALTPERMISCHE ORTSNAMEN IN ZAVOLOČJE?

In diesem Aufsatz wird die Hypothese von B. A. Serebrennikov über die Herleitung des suffixalen Elements *-юга*, *-юга* aus *еньга* betrachtet, und es werden neue Beweise der Existenz des altpermischen Substrats im russischen Norden angeführt.

Wenn B. A. Serebrennikov behauptet, daß *y* in *-юга*, *-юга* sei infolge des Übergangs *e > o > y* entstanden, so hat er nicht in Betracht gezogen, daß in den Ortsnamen auf *-юга*, *-юга* der *e*-Laut in der Anfangssilbe sehr oft anzutreffen ist (*Венюга*, *Верюга*).

Während B. A. Serebrennikov aber die Erscheinung der Denasalisation in den Ortsnamen auf *-юга*, *-юга* annimmt, berücksichtigt er nicht, daß die Konsonantenverbindungen mit einer nasalen Komponente am Anfang in den Stämmen von Ortsnamen solchen Typs ziemlich oft vorkommen (*Пундуга*, *Чунжуга*).

Wie auch Max Vasmer und A. I. Popov meint der Verfasser dieses Aufsatzes, daß es in der substraten Toponymie des russischen Nordens altpermische Elemente gibt. Er bringt neue Beweise ihrer Existenz:

1) Die vermutliche westliche Grenze der Wohngebiete der Altpermier (an der Mündung Onega-Belozero) fällt im großen und ganzen mit der Grenze zwischen den Arealen der Ortsnamen auf *Vokal+s* und *Vokal+ksa* zusammen. Andererseits ging die finnisch-ugrische Konsonantenverbindung **kš* in den permischen Sprachen in den *s*-Laut über und wurde in Form von *ks* in den ostseefinnischen Sprachen widerspiegelt.

2) Die Ortsnamen auf *-ньга* werden durch die Vokalharmonie charakterisiert, die für die Ortsnamen auf *-юга*, *-юга* nicht typisch ist.

¹⁴ В. Ф. Генинг, О западносибирском компоненте в сложении ананьинской культурной общности (Доклад на IV Уральском археологическом совещании).

¹⁵ В. А. Серебренников, указ. раб., стр. 241.

3) Es gibt überzeugende etymologische Angaben, die beweisen, daß die Altpermier früher westlich von den Wohngebieten der heutigen Komi-Syrjänen wohnten (komi-syr. *keröc* 'Anhöhe; steiles Ufer' > *Керас*).

4. Das vorpermische Areal *-ум, -бум* in der Toponymie der ASSR der Komi ist ein indirekter Beweis dafür, daß sich die früheren Wohngebiete der Komi westlich, südwestlich und südlich von ihren heutigen Wohngebieten befanden.

5. Die Grenzen der Ananjino-Kulturgemeinschaft fallen im Lichte der letzten archäologischen Erforschungen mit den Arealen der Ortsnamen auf *-уга, -юга, -уг, -юг* zusammen.